

Асфар ШАОВ, Вячеслав НЕХАЙ

МОДЕЛЬ «ЧЕЛОВЕКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО» В ТРИАДЕ «ЭКОНОМИКА – ИСКУССТВО – ПРАВО»

В статье рассматриваются особенности возникновения и развития социоантропологической модели «человека экономического» в идеологическом пространстве триады европейской культуры «экономика – искусство – право». The article discusses the peculiarities of the genesis of socio-anthropological model of «economic man» in the ideological space of «economy – art – law» triad of European culture.

Ключевые слова:

экономоцентризм, капитализм, этика утилитаризма, традиционные ценности, человек экономический; economocentrism, capitalism, ethics of utilitarianism, traditional values, economic man.

Приоритет экономической жизни, согласно которому экономика как социальная система должна занимать центральное место во всех сферах общественной жизни, заставил дать идеологическое измерение экономическим явлениям¹. Повсеместно распространяющийся экономоцентризм хозяйствующего субъекта способствовал экономической интерпретации истории. Модель «человека экономического», окончательно сформировавшаяся в эпоху Просвещения, персонифицировала попытку экстраполяции новой антитрадиционалистской логики. Политическая экономия избавилась от авторитета религиозных норм и моральной философии, став наукой, предметом которой является деятельность человека экономического.

Обращение к проблеме человека экономического как идеальной модели личности в триаде «экономика – искусство – право» обусловливается и тем, что идеология человека экономического, проповедующая утилитарные потребности и культ полезности, устремляет стремление индивидов к общей социальной цели. Каждый человек считает, что его интересы и потребности наиболее верны по той простой причине, что полезны ему. Как результат, в Западной Европе сформировалась специфическая множественная действительность, исключившая из идеологического пространства европейской культуры историю духовных исканий человечества как единого в своем самодвижении.

В этой связи выявляется значимость социально-философского анализа и переосмысления принципов конструирования идеологического пространства в европейской культуре и ее триаде «экономика – искусство – право». Данные сферы жизнедеятельности выбраны нами как наиболее чувствительные к ценностным ориентациям той или иной эпохи и наполняющие ее новым смыслом.

Направленность всех сфер жизнедеятельности в сторону зависимости от финансовой дисциплины определилась в XVIII в. с его идеологией Просвещения, окончательно подрывающей традиционные институциональные социокультурные практики. Потребовалась некая всеобщая идеологическая константа в сознании масс, которая придала бы экономике всемогущий и всепобеждающий характер. «Социальная философия Просвещения подготовила почву для осуществления программы либерализации: для экономической

¹ Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность // http://www.bookshunt.ru/b18742_byurokratiya.zaplanirovannij_haos.antikapitalisticheskaya_mentalnost

ШАОВ

*Асфар
Аскерович –
к.филос.н., доцент
кафедры философии
и социологии
Адыгейского
государственного
университета,
г. Майкоп
www.asfarshaov@
mail.ru*

НЕХАЙ

*Вячеслав
Нурбиевич –
к.соц.н., доцент
кафедры философии
и социологии
Адыгейского
государственного
университета
www.slava0482@
mail.ru*

свободы, завершившей свое развитие в рыночной экономике (капитализме) с ее конституциональным следствием — представительным правительством»¹. Важно указать, что данный процесс эволюции безграничного накопления капитала территориально расширился в течение веков, вовлекая в свою орбиту все новые регионы мира.

Стоит отметить одно обстоятельство, связанное с корреляцией идей глобализма и доктрин Просвещения, которое говорит о том, что оба эти явления находят продолжение друг в друге, имеют общую, более глубокую связь и причину, а именно зарождение нового экономического архетипа. Государственно-нормирующая деятельность уступает глобальному транзакционному мировоззрению *homo oeconomicus*, под воздействием которого все человеческие отношения должны сводиться к купле-продаже.

В данной статье идеологическое пространство рассматривается как идентичное идеологии, как всеохватывающий дискурс, своеобразная культура, внутри которой различные конкурирующие между собой социальные институты — религия, политика, экономика, право и их идейные обоснования — направлены на создание и трансляцию смыслов. Идеологическое пространство нуждается не только в символах общности, но и в правилах исключения, т.к. именно инаковость сообщает отличие и особенность собственной культуре. Поэтому это пространство возникает внутри определенных культурно-региональных границ (христианско-европейских, азиатских, панисламистских и т.д.), свидетельствуя о том, что идеология призвана включить человека в поле культуры как предельно широкое основание социума. Экономическое пространство понимается нами не в дисциплинарном, а в идеологическом смысле, выполняет функцию первичного, системообразующего, поглощающего другие идеологические пространства.

Отличительной чертой возникновения идеологически ориентированной экономики в европейской цивилизации являются не столько масштабы распространения рынка, сколько постепенный, происшедший под влиянием рынка идео-

логический слом традиционных оснований христианской Европы, смена модели человека религиозного на модель человека экономического. Произошло изменение социальной статичности средневекового общества, выражающейся в теократической общественной иерархии с внутренними канонизированными процессами, касающимися отношения отдельного человека к Богу. Понадобился статус в виде власти, деньги в виде влияния, а главное — всеобщий «дух» в виде капиталистически хозяйственного образа мыслей с опорой на экономическую идеологию для радикально-казуистической переоценки ценностей некапиталистических разновидностей духовной структуры европейской культуры.

Экономическая идеология проникла в официальную и частную жизнь, и со временем материальный интерес (успех) стал единой отличительной чертой всей европейской культуры и преобразил ее во всех принципах и взаимосвязях. Благодаря духовному перевороту, в разной форме происшедшему в культуре ведущих народов Западной Европы, утвердилось новое понимание мира и человека. Последствия рождения человека экономического с его стремлением к наживе устранили описания мира с позиций нравственности. Человек экономический как абстрактная антропологическая модель зарождается в буржуазном обществе и становится типичным.

Превращение духовных интересов в светские шло в западноевропейской культуре главным образом по линии постепенного преобразования философского и теоретически-научного мышления, стремившегося к индукции, к методу наблюдения. Натурализм и связанные с ним в рамках искусства задачи приобрели такую высокую оценку, какой они до этого в течение всей эволюции искусства никогда не имели. Уничтожив границы, которые были поставлены до тех пор перед искусством, они стали исходным пунктом нового художественного открытия видимого мира в его неисчерпаемом предметном и формальном богатстве. Это было выражением той художественной манифестации, не раз возникающей в истории духовного развития человечества, в которой человеческий дух придает наблюдению самостоятельное значение, видя в нем источник художествен-

¹ Страхов Н.Н. Мир как целое: черты из наук о природе. — М.: Айрис-Пресс, 2007, с. 344.

ной правды. Причина отчасти кроется в противопоставлении религиозных традиций и практик, причем зачастую внутри одной конфессии, когда индивидуальные духовные озарения и связанные с этим чувственные переживания выходят за границы канонически кодифицированного священного, божественного повествования. То есть, кризис религиозного искусства произошел тогда, когда акцент сместился с чистой духовности к возможности выражения догматов веры и религиозного культа в чувственных формах, когда стала важна религиозность вообще, а не в конкретном преломлении христианства.

В целом возрожденческая культура формировалась под лозунгами обновления, приобщения к «современному веку», новому образу жизни и мировоззрению как антиподу всей тысячелетней средневековой культуры. Модернизм нового века отождествлялся со светскостью в культуре, мировоззрении, искусстве и науке и, в определенном смысле, в религии. Говоря о религиозной светскости Ренессанса, следует подчеркнуть, что страх и трепет испытывают уже не перед могуществом личного надмирового Божества, а, в лучшем случае, перед бездной бесконечности Космоса. Это заложило под основание европейской культуры парадигмальную установку радикального пересмотра традиции, десакрализации смысла, лишаящую его статуса трансцендентальности, изначальной заданности, абсолютности. Перед ликом современности все объявляется вчерашним днем. Модерн — это все передовое, традиция — это безнадежно отсталое, и теперь она используется лишь изредка — как поверхностно-декорированное обрамление современности. Искусство начинает принимать различные формы и тенденции, в которых отражаются уже не абсолютные и вечные ценности, а чувственные самооценные и самодостаточные истины, находящиеся в постоянном развитии. В эпоху Возрождения и Просвещения, утратив свое религиозное содержание, искусство становится только украшением, декором: свободным, технически совершенным, легким и привлекательным искусством, не обремененным какими-либо идеологическими нагрузками.

Современное искусство основывается уже не на ритуале сакрально-

религиозного, а на секулярно-профанной светскости человека экономического. Если традиционно произведение искусства служило инструментом духовного возвышения и утешения, то в современную эпоху его центральной характеристикой становится выставочная ценность, способность стать массовым продуктом потребления. Произведение искусства утрачивает ауру уникальности, вырывается из истории и традиции. Для классического искусства, помимо эстетического, было существенно нравственное содержание, для модернизма нравственные идеи не имеют значения, он нацелен на создание шок-ценностей, поражающих воображение. Накрепко спаянное с коммерческим капиталом, искусство становится придатком индустрии развлечения, что неизбежно ведет его к концу. Современное искусство в своей совокупности есть сейчас метаязык безразличности и банальности.

В средневековой Европе параллельно сосуществовало множество правовых систем: церковное каноническое право с христианскими судами и иерархическая светская юрисдикция — королевский суд, суды сеньоров, суды общин (городов), корпораций, торговые суды. Однако признавалась безусловность того, что универсум, общество и люди есть наглядное выражение духовного представления об их креации Божественным провидением и управлении посредством установленного законом порядка. В схоластике того времени полагали, что имеются три источника права: *jus positivum*, *jus naturale humanorum* и *jus divinum*, представление о которых соответствовало различным направлениям античной мысли. *Jus positivum* — это римское право, *jus naturale humanorum* — эллинистическая естественно-правовая идея, а *jus divinum vohintarium* (право Божественной воли) — право, полученное от Бога через откровение. Последний источник права обуславливал культурно-исторические особенности правовой системы, формирующие идеологическую структуру средневековой Европы, и стоял выше всех остальных, т.к. непосредственно выводился из Божественного познания. Отдельные представители Просвещения, отказавшись практически от всех традиционных презумпций божественного видения исторического процесса, ратовали за

самое решительное отделение моральной теологии от естественного права и ставили своей целью создание «секуляризованного» естественного права. Именно данная концепция правопонимания сделала возможным в будущем возникновение буржуазного юридического позитивизма, проще говоря, легизма. Как таковая она уже существенно отличается от сверхсубъективных и сверхобъективных закономерностей, управляемых высшей инстанцией. Она представляет собой залог богоподобия человека, наделяя его способностью создавать новый умопостигаемый социально-правовой мир.

Экономическая экспансия в рассматриваемый период привела к усложнению общественной жизни, что вызвало необходимость детального юридического урегулирования этого иерархического порядка. Процесс взаимообусловленности и взаимосвязи экономики, государства и права — это весьма сложный, многогранный феномен, на который влияют не только экономические, но и этнические, национальные, политические, идеологические, духовные и многие другие соционормативные регуляторы, выходящие за рамки прямых взаимодействий государства, права и экономики. Исторически право выражало и закрепляло волю и интересы господствующих классов, стоящих у власти социальных слоев, групп, прослоек. Право и экономика не просто соотносятся, а взаимодействуют, взаимовлияют друг на друга, но до известной степени право представляет собой продолжение экономики. В свою очередь, и экономика может существовать и развиваться в той или иной степени как регулируемая и направляемая с помощью государственно-правовых установлений система. Динамичное же развитие экономических отношений влияет на изменение правовой базы, одновременно корректируя и изменяя ее. То есть, правовые отношения возникают из экономических отношений частной собственности, обслуживают эти отношения, являются необходимой формой их выражения и существования.

Фундаментальной догмой европейской политико-правовой культуры в разных ее интерпретациях явилась теория общественного договора, идейную основу которой составляет идеология гуманизма. Человек является источником своих лич-

ных прав, начиная с права действовать свободно, исходя из расчета и личного интереса. Следовательно, человек социален не потому, что такова его природа, а потому, что в этом заключается его выгода.

Последовательное экономическое измерение общества также несет в себе значительные последствия. Завершая процессы секуляризации и «развоплощения» мира, характерные для модерна, оно заканчивается ультраиндивидуализмом и «растворением» социального, например исчезновением народов, потерей их специфических отличительных признаков. В социологическом плане утверждение современного экономического порядка приводит к разделению на производителей, собственников и отчужденные страты. В плане коллективных представлений такой процесс приводит к утверждению на самом почетном месте рыночных ценностей, которые до того воспринимались как самые низкие. В моральном плане он реабилитирует дух заинтересованного расчета и эгоистичного поведения, осуждавшийся во всех традиционных обществах.

В современном мире смысл человеческого существования состоит в том, чтобы повышать экономический рост, умножать капитал — и не для целей собственного счастья, а ради самого капитала. При капитализме экономическая деятельность и материальная выгода стали самоцелью. Жизненно-практические установки людей уже не базируются на какой-либо исходной духовной предпосылке, «большой идее», первичном символе или конечной сакральной ценности, которые придавали бы смысл и согласованность стремлениям и действиям людей. Упразднена религиозная традиция как система детерминации социальной жизнедеятельности индивидов. Она заменена современным капиталистическим духом человека экономического, который побуждает его проявлять стремления и следовать принципам, способствующим развитию в основном деловых качеств. Да и сама природа предпринимательского духа обрекает его пребывать в состоянии постоянного желания перерасти свое общественное положение.

Важность социально-философского исследования становления и развития человека экономического в идеологическом пространстве западноевропейского

общества обусловлена социокультурным контекстом современности. Специфика данного контекста определяется такими характерологическими чертами, как динамичность происходящих изменений в общественном развитии, их нелинейность и неоднозначность. Особенно это касается российского общества, в котором все более усугубляющийся системный кризис требует многопланового анализа его особенностей, а нахождение способа выхода из него зависит от качественного анализа проблем не только российского, но и западноевропейского общества. Эта зависимость объясняется рядом факторов. Во-первых, в основу культурной политики в России положен тезис о единстве русской и западноевропейской культур. Во-вторых, исторически между Россией и Западной Европой сложились тесные связи в области экономики, искусства, права; и их творческое переосмысление может предстать как один из способов создания единого европейского сообщества. В-третьих, многие общественные западноевропейские достижения были восприняты и

интегрированы в российское общество. Таким образом, социально-философский анализ становления и развития человека экономического в идеологическом пространстве западноевропейского общества «должен быть для нас побуждением и средством к сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов. Мы отстоим себя, а если отстоим, то, значит, и зацветем новой жизнью».

Акцент на исследовании именно человека экономического обусловлен тем, что дает возможность адекватно определить духовное содержание каждого народа, правильно оценить его культурное своеобразие и перспективы дальнейшего общественного развития. Данная проблематика затрагивает и непосредственно Россию, где сегодня на первый план выдвигается формирование национальной идеи, сохранение исторического самосознания и идентичности российского народа с опорой на собственную социоантропологическую модель в контексте взаимодействия универсального и национального начал в культуре.